

О ДИНАМИКЕ УРОВНЯ ЖИЗНИ В РОССИИ, 1874—1912 гг.

С. А. Нефедов¹, М. Элман²

¹ Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

² Университет Амстердама, Нидерланды

Рассматривается вопрос о динамике уровня жизни в России накануне Первой мировой войны. Эта проблема является предметом дискуссии. В то время, как традиционная историография придерживается на этот счет пессимистической точки зрения, ревизионистская «оптимистическая» школа полагает, что уровень жизни повышался и русская революция была обусловлена политическими, а не экономическими факторами. Одним из основных аргументов «оптимистической» школы является обнаруженное в расчетах Б. Н. Миронова увеличение среднего роста новобранцев в 1874—1912 гг. Предлагаемая статья посвящена критическому анализу расчетов Б. Н. Миронова. Авторы показывают, что в этих расчетах содержится ошибка, связанная с игнорированием Б. Н. Мироновым произошедшего в 1890 г. изменения методов составления отчетов присутствий по воинской повинности. В действительности рост призывников не увеличился, а скорее, немного уменьшился, и это обстоятельство серьезно ослабляет аргументацию «оптимистической школы».

Ключевые слова: Россия, конец XIX — начало XX в., уровень жизни, атропометрические измерения, оптимистическая школа, причины русской революции.

Вопрос о динамике уровня жизни в России накануне Первой мировой войны является предметом непрекращающейся дискуссии. Ранее в англо- и русскоязычной историографии превалировало мнение о том, что жизненный уровень падал и страна находилась в состоянии экономического кризиса. В СССР это соответствовало марксистской интерпретации Октябрьской революции, как революции, вызванной обнищанием трудящихся при капитализме. В англоязычной историографии традиционное представление сформировалось под влиянием «Кембриджской экономической истории», соответствующий раздел которой был написан А. Гершенкроном. Гершенкрон утверждал, что «крестьянство, освобожденное от крепостной зависимости, получило недостаточные наделы земли, и должно было платить за них несоизмерно высокие выкупные платежи». В конце XIX в. «экономическое положение крестьянства продолжало ухудшаться». Статистика производства и экспорта зерна была такова, что «трудно избежать заключения, что потребление хлеба сельским населением в 1890-х гг. достигло очень низкой точки, даже если абстрагироваться от бедствий Великого голода 1891—1892 гг.» Гершенкрон полагал, что ухудшение экономического положения крестьянства было причиной массовых крестьянских волнений 1901—1902 и 1905—1906 гг., которые сопровождались разгромом помещичьих усадеб. Было бы естественно применить эту логику и к революции 1917 года [34, с. 741—742, 776, 778, 784].

Традиционная точка зрения стала объектом критики последующих исследователей, П. Грегори, С. Уиткрофта, Дж. Симмса, С. Хока. Уиткрофт показал, что расчеты Гершенкрона, показывавшие уменьшение производства зерна на душу населения, критически зависят от выбираемых для сравнения годов [46]. Симмс отметил, что имевшее место возрастание косвенных налогов свидетельствовало об увеличении душевого потребления. Он не отрицал бедность сельского населения, но утверждал, что

она распространялась лишь на меньшую часть населения и на отдельные регионы России [44]. Грегори утверждал, что в последние годы империи Россия испытывала быстрый экономический рост, сопровождавшийся увеличением душевого потребления [35; 36]. Хок подверг критике вывод Гершенкрона о том, что условия выкупа были неблагоприятными для крестьян; он указал на то обстоятельство, что бывшие крепостные получили много больше земли, чем освобожденные рабы в США; это позволило им основать независимые хозяйства [37]. Эти авторы рассматривали голод 1891—1892 гг. и крестьянские волнения 1901—1902 и 1905—1906 гг. как случайные события, никоим образом не свидетельствующие о неизбежности революции. Они утверждали, что производство на душу населения, потребление и уровень жизни возрастали и предвоенный период был периодом успешного экономического роста.

Эта новая интерпретация российской истории стала называться интерпретацией «оптимистической» (или «ревизионистской») школы; она стала доминирующей в англоязычной историографии. «Оптимистическая» интерпретация была поддержана так же С. Плаггенбергом, который поддержал точку зрения об успешном развитии сельского хозяйства и обратил внимание на переносе финансового бремени на городское население, в особенности, на население столичных городов [42]. Однако — как прежде Г. Робинсон [43] — исследователи «оптимистической» школы обращали внимание на нехватку для исследуемого периода надежных статистических данных. В результате, как заметил Хок, выясняется, что многие числа, используемые в дебатах обеими сторонами, не отличаются точностью и достоверностью.

В российской историографии главным представителем «оптимистической» школы является Б. Н. Миронов. Миронов неоднократно утверждал, что жизненный уровень в России в этот период возрастал, и, следовательно, революция 1917 года не была вызвана экономическими причинами. Ми-

ронов критикует марксистскую, мальтузианскую и структурно-демографическую интерпретации причин российской Революции. Он утверждает, что это был результат противоречий модернизации в совокупности с действием случайных факторов, главным из которых была мировая война, но некоторую роль играли также ошибки властей и оппозиции. Миронов утверждает, что революция не была неизбежной, что она была вызвана прежде всего политическими, а не экономическими факторами. Эта интерпретация основывается на оптимистическом взгляде на динамику уровня жизни, причем важной частью аргументации Миронова являются антропометрические данные [6—10; 39; 40].

С другой стороны, такие авторы, как А. В. Островский [13], Г. И. Ханин [27], Р. Аллен [30], противопоставляющие аргументам «оптимистической» школы данные о реальной заработной плате, распределении доходов, крестьянском землепользовании, могут считаться представителями «пессимистической» (или традиционной) школы. Они полагают, что низкая заработная плата, как в городах, так и на селе, неравномерное распределение доходов и крестьянские требования земельного передела были основными факторами, вызвавшими русскую революцию. Как признает сам Миронов, «тезис о систематическом понижении уровня жизни крестьян... получил поддержку у всех авторитетных исследователей конца XIX — начала XX в.» [9, с. 31].

Антропометрические расчеты Миронова и вытекающие из них выводы положили начало оживленной дискуссии в российской историографии; в этой дискуссии принимали участие и авторы данной статьи [11—12; 29]. Работы Миронова часто цитировались и в англоязычной литературе, где их результаты часто воспринимались как авторитетные и бесспорные. В частности, Штекель в обзоре последних историко-антропометрических исследований включил раздел о России, основанный на данных Миронова [45]. Точно так же Линдерт и Нафцигер использовали работу Миронова при анализе неравенства в доходах в 1904 году [38]. Работа Миронова использовалась Батеном и Блюмом при анализе детерминант благоприятной антропометрической динамики [31].

Антропометрические данные достаточно широко использовались русскими экономистами и этнографами конца XIX — начала XX века. Однако затем о них забыли, и Миронов был первым, кто после столетнего перерыва обратился к изучению этого важного источника. Антропометрические данные особенно полезны для периодов, когда традиционная экономическая статистика отсутствует или неточна. Обращение к новым источникам данных всегда приветствуется, и критиковать традиционные взгляды иногда бывает полезно. Однако важно не делать поспешных выводов в связи с использованием новых источников. В этой статье утверждается, что Миронов преувеличил достоинства нового источника данных и что их ценность как основа для взглядов оптимистической школы проблематична. Целью статьи является критический анализ используемых Мироновым антропометрических данных. Такой анализ имеет большое значение для дискус-

сии между «оптимистической» и «пессимистической» школами и, следовательно, для дискуссии о причинах русской революции.

Отдельные авторы уже обращали внимание на неверную интерпретацию антропометрических данных Мироновым. С. Уиткрофт возражал против привязки этих данных к году рождения, указывая, что влияние питания более сказывается в подростковом возрасте [47]. С. Хок обращал внимание на важность других, отличных от роста, антропометрических показателей, а также на влияние эпидемий, на возможность различной группировки данных, что также влияет на конечные выводы [37].

В последнее время «оптимистическая» интерпретация превратилась из инструмента критики марксизма в инструмент, обслуживающий идеологию нынешних российских властей. Формируется актуальный для современной российской политики образ патерналистского монархического режима; режима, который успешно осуществлял политику модернизации и поднимал уровень жизни населения, но который был подорван либералами и революционерами, которые не понимали Россию и вдохновлялись иностранными влияниями. Как отмечал покойный Р. Ш. Ганелин, насаждение этой новой парадигмы похоже на кампанию 70-летней давности, связанную с насаждением «Краткого курса истории ВКП(б)» [3, с. 36]. Этот идеологический аспект частично объясняет нынешнюю российскую дискуссию.

В этой статье не рассматриваются широкие проблемы экономического развития России, она посвящена другим, недостаточно исследованным аспектам использования антропометрических данных. До сих пор мало или вообще не уделялось внимания тому, как собирались и обобщались российские антропометрические данные. Для понимания того, что они означают, важно понять, как они были собраны и обобщены. Настоящая статья призвана заполнить этот пробел в наших знаниях. По словам Миронова, «антропометрические данные являются универсальными и несложными. Их легко сравнить с аналогичной информацией разных лет. При их использовании мы сразу решаем проблему возможной ошибки, потому что высота тела — это самый точный и строгий индикатор жизненного уровня, он не может быть сфальсифицирован» [41, р. 15—16]. Но так ли это?

Что за данные использовал Миронов, каковы их источники и насколько они надежны? Он использовал несколько источников, но обращал особое внимание на имевшиеся в изобилии данные о росте призывников в армию. Миронов обращал внимание на процесс измерения и качество получающихся данных, однако последующий анализ показывает, что имеются серьезные вопросы, касающиеся полученных им значений среднего роста.

Пример данных, которые представил Миронов, воспроизведен в табл. 1. В этой таблице представлены средние по сравнительно немногочисленным индивидуальным данным, которые Миронов нашел в призывных документах, и подсчитанные им средние по групповым данным, которые были взяты из итоговых отчетов Министерства внутренних дел и Военного министерства. Эти последние «суммарные» данные

Рост призывников, 1851—1895 гг. (см)

Годы рождения	Годы измерения	Индивидуальные данные		Суммарные данные		Разница между групповыми и индивидуальными данными
		Число измерений	Рост призывников	Число измерений	Рост призывников	
1851—1855	1872—1876	4820	165,8	519 891	164,7	-1,1
1856—1860	1877—1881	613	165,9	1 081 102	164,7	-1,2
1861—1865	1882—1886	774	165,4	1 103 174	164,5	-0,9
1866—1870	1887—1891	741	165,5	1 249 421	165,2	-0,3
1871—1875	1892—1896	1127	165,8	1 334 117	166,6	0,8
1876—1880	1897—1901	1291	165,5	1 446 169	167,1	1,6
1881—1885	1902—1906	1192	166,1	1 921 799	167,5	1,4
1886—1890	1907—1911	969	166,4	2 164 105	167,7	1,3
1891—1895	1912—1916	964	165,8	852 110	167,4	1,6

Источник: [9, с. 185]

охватывали весь контингент призывников. На первый взгляд, казалось бы, данные о всех призывниках показывают, что высота российских мужчин увеличилась в этот период на 2,7 см или на 1,6 процента. Это можно считать индикатором роста благосостояния и потребления пищи, как и полагал Миронов. Однако А. В. Островский отметил странную особенность: различие между данными, полученными при индивидуальных и групповых измерениях. Индивидуальные данные показывают, что рост российских мужчин оставался примерно постоянным, а сгруппированные данные демонстрируют увеличение роста. Как объяснить это несоответствие, и имеет ли оно какое-то значение? Миронов обратил внимание на эту проблему, он предположил, что индивидуальные данные касались мужчин из центральных великорусских областей, тогда как полные данные включали периферийные области. Однако в другом параграфе Миронов пишет: «Как показывает сравнение, в 1851—1865 гг. различия в росте между великороссийскими регионами и всей империей составляли лишь 0,1 см. Таким образом, хотя имеющиеся данные в географическом отношении имеют явный перекося в сторону великороссийских губерний, их вполне достаточно для получения адекватной действительности картины о динамике роста как в России в целом, так и в большинстве ее регионов» [9, с. 193].

Чтобы понять причину этих различий нам нужно разобраться в методике получения суммарных данных. Введение в 1874 г. всеобщей воинской повинности потребовало организовать работу призывных комиссий (которые назывались «присутствиями по воинской повинности»). Было издано «Наставление присутствиям по воинской повинности» [21, с. 131—146], регламентирующее процедуру освидетельствования призывника. Освидетельствование начиналось с измерения роста, для чего в присутствии имелся станок с делениями: с одной стороны, указывались вершки и восьмые части вершка, с другой стороны — сантиметры. Измерение производилось в вершках, и врач должен был записать его результаты в формуляр новобранца; в совокупности эти формуляры составляли формулярный список, копия этого списка передавалась принимающему новобранцев офицеру.

По окончании освидетельствования новобранцев призывная комиссия составляла «Отчет по призыву к исполнению воинской повинности населения... города (уезда)... губернии». Форма этого отчета приведена в приложении к «Инструкции о порядке делопроизводства в присутствиях по воинской повинности» [21, с. 459—485]. Пункт «11.И» этой формы указывал, что «Из числа принятых заключается мерою роста:

- 1) в 2 аршина 2½ вершка — ...
- 2) в 2 аршина 3 вершка — ...
- 3) в 2 аршина 4 вершка — ...
- 4) в 2 аршина 5 вершков — ...

...

и т. д. Таким образом, призывники делились на ростовые группы, и каждой группе (за исключением первой) приписывался рост, выражаемый целым числом вершков. Затем указывалось количество призывников в каждой ростовой группе. Данные по уездам и губерниям суммировались и в той же самой форме приводились в «Отчете министра внутренних дел о выполнении призыва к отправлению воинской повинности» [15, с. 36].

Со своей стороны, военные получали от призывных комиссий заполненные формуляры на призывников и использовали их при учете принимаемых рекрутов. Эти данные суммировались по полкам, и конечном итоге в «Всепоподданнейшем отчете о действиях военного министерства» приводились данные о рекрутах, поступивших в войска [2]. С 1875 по 1887 год данные о росте приводились в следующей форме: «В числе лиц, принятых на действительную службу, заключаются:

В. По росту:

- 1) в 2 аршина 2½ вершка...
- 2) в 2 аршина от 2½ до 3 вершков...
- 3) в 2 аршина от 3 до 4 вершков...
- 4) в 2 аршина от 4 до 5 вершков...

...

и т. д. Военные учитывали лишь призывников, реально поступивших в войска на дату отчета, поэтому суммарные цифры призывников в отчетах военного министерства и МВД могли отличаться на несколько сот человек. Например, в 1875 г. 588 из 178 980 призывников не были приняты военными до даты отчета

1 января 1876 г. [2, с. 144; 16, с. 41]. Тем не менее, в некоторых группах число призывников в отчетах военного министерства и МВД совпадает; это говорит о том, что в отчете военного министерства первая по счету группа соответствует первой группе в отчете МВД, вторая — второй группе и т. д. Таким образом, если МВД приписывало группе призывников рост в 2 аршина 4 вершка, то военное министерство считало, что рост призывников в этой группе меняется в пределах от 2 аршин 3 вершков до 2 аршин 4 вершков. Трудно сказать, чем была обусловлена такая несогласованность, но в 1888 году военное министерство признало свою неправоту и стало указывать ростовые данные в форме, принятой МВД.

Чиновники МВД не использовали ростовые данные для вычисления среднего по России (или губернии) роста рекрутов и не предвидели проблемы, с которой столкнулись современные историки: как вычислить этот средний рост, не зная способа округления, то есть интервалов роста, в пределах которых рекрут причислялся к той или иной ростовой группе? Б. Н. Миронов полностью осознавал значение этой проблемы и указывал, что от определения этих интервалов «существенно — до 4,4 см зависела величина вычисленного на основе группировок среднего роста» [9, с. 176].

Каким образом Миронов решал эту проблему? В разных работах по-разному. В табл. 2 приведены данные из трех работ Миронова, показывающие динамику среднего роста рекрутов в 1874—1889 годах.

Миронов не сообщает читателю, какие интервалы он приписывает ростовым группам и какие средние он берет внутри групп, то есть способ получения средних по стране остается в некотором роде тайной. Чтобы разобраться в этом вопросе, мы подсчитали средний рост так, как он должен

формально вычисляться по форме МВД, то есть третьей ростовой группе «2 аршина 4 вершка» приписал средний рост в 2 аршина 4 вершка и т. д. Полученные результаты приведены в колонке под названием «данные МВД» [подсчитано по: 19, с. 132]. Оказалось, что в первом варианте расчетов, в 1999 году, Миронов брал средние в каждой группе на 2 см — фактически на полвершка — меньше, чем МВД. Это означает, что он придерживался формы военного министерства, которое считало, что в третьей группе объединяются рекруты, имеющие рост от 2 аршин 3 вершков до 2 аршин 4 вершков. Соответственно, Миронов ссылаясь на работу «Столетие военного министерства. 1802—1902 г.» [26]. При этом Миронов критиковал тех авторов, которые вычисляли средний рост указанным выше формальным способом (по форме МВД). «В исследованиях конца XIX — начала XX века, — объяснял свою позицию Миронов, — данные о росте рекрутов, как правило, завышены, потому что... за средний рост рекрутов какой-либо возрастной группы брали не середину ростового интервала, а его верхнюю границу. Например, если в источнике указывался интервал от 2 аршин 3 вершков до 2 аршин 4 вершков, то за среднее принимали 2 аршина и 4 вершка вместо 2 аршин 3,5 вершков и т. д. Подобный приближенный метод преувеличивал средний рост рекрутов приблизительно на 2 см. Например, известный антрополог конца XIX — начала XX века Д. Н. Анучин определил среднюю длину тела призывников в 1874—1883 гг. в 1641 мм, между тем как она равнялась 1621 мм» [8, с. 342].

Нужно сказать, что Д. Н. Анучин сопровождал свои вычисления важной оговоркой. Вычисляя оценку среднего роста формальным способом (по форме МВД), Анучин вместе с тем оговаривался, что эта

Таблица 2

Средний рост новобранцев призывов 1874—1889 годов по расчетам Миронова (см)

Год рождения	Год призыва	Миронов, 1999 и 2003 г.	Миронов, 2000 г.	Миронов, 2013 г.	Данные МВД	Превышение данных Миронова над данными МВД		
						1999 и 2003	2000	2013
1853	1874	162,2	166,2	164,6	164,2	-2,0	2,0	0,4
1854	1875	162,2	166,2	164,6	164,3	-2,1	1,9	0,3
1855	1876	162,2	166,2	164,6	164,3	-2,1	1,9	0,3
1856	1877	162,3	166,3	164,6	164,3	-2,0	2,0	0,3
1857	1878	162,3	166,3	164,7	164,3	-2,0	2,0	0,4
1858	1879	162,2	166,2	164,6	164,2	-2,0	2,0	0,4
1859	1880	162,2	166,2	164,6	164,2	-2,0	2,0	0,4
1860	1881	162,2	166,2	164,5	164,2	-2,0	2,0	0,3
1861	1882	161,7	165,7	164,1	163,7	-2,0	2,0	0,4
1862	1883	162,0	166,0	164,4	164,0	-2,0	2,0	0,4
1863	1884	161,9	165,9	164,3	163,9	-2,0	2,0	0,4
1864	1885	162,2	166,2	164,6	164,2	-2,0	2,0	0,4
1865	1886	162,2	166,1	164,5	164,1	-1,9	2,0	0,4
1866	1887	162,2	166,2	164,6	164,3	-2,1	1,9	0,3
1867	1888	162,2	166,2	164,6	164,1	-1,9	2,1	0,5
1868	1889	162,9	166,4	164,8	164,3	-1,4	2,1	0,5
средние		162,2	166,2	164,5	164,2	-2,0	2,0	0,38

Источники: [40, р. 4; 6, с. 338; 7, с. 338; 8, с. 338; 10, с. 267; 19, с. 132]

оценка *занижает* действительный средний рост. Именно, он утверждал, что чиновники производили округление ростовых данных отбрасыванием дробной части, то есть, к примеру, в третью группу «2 аршина 4 вершка» входили рекруты с ростом от 2 аршина 4 вершка до 2 аршина 4 $\frac{7}{8}$ вершка [1, 75]. Средний рост в этой группе был 2 аршина 4,44 вершка, примерно на 2 см больше, чем указано в ее названии.

Информацию Анучина подтверждали другие исследователи. В. А. Левицкий изучал данные военного присутствия в Подольском уезде Московской губернии за 1874—1883 годы. В этих данных рост указывался с точностью до $\frac{1}{8}$ вершка, и, вычисляя средний рост по исходным данным, Левицкий установил, что он превосходит средний рост, подсчитанный по данным ЦСК МВД, примерно на полвершка [5, с. 62]. По расчетам И. И. Пантохова превышение составляло 0,4 вершка [цит. по: 4, с. 7]. По данным Н. Ю. Зографа превышение было даже больше — 0,88 вершка, но Зограф использовал данные по всем призывникам, а не только по принятым на службу [4, с. 8]. Наиболее подробные сведения по этому вопросу дает А. Штегман, который принимал участие в освидетельствовании призывников в Елецком уезде Орловской губернии. В своей статье Штегман указывает количество рекрутов, призванных на службу в различных ростовых группах (табл. 3, а — аршины, в — вершки):

Таблица 3
Рост новобранцев Елецкого уезда в 1882 г.

№ группы	Группы по Штегману	Число призывников	Группы МВД	Число призывников
1	2а 2в — 2а 3в	11	2а 2 $\frac{1}{2}$ в	12
2	2а 3в — 2а 4в	89	2а 3в	90
3	2а 4в — 2а 5в	152	2а 4в	149
4	2а 5в — 2а 6в	151	2а 5в	147
5	2а 6в — 2а 7в	92	2а 6в	90
6	2а 7в — 2а 8в	42	2а 7в	45
7	2а 8в — 2а 9в	6	2а 8в	6
8	2а 9в — 2а 10в	1	2а 8в	2
	Всего	542		541

Источник: [28, с. 115; 25, с. 176]

Для сравнения, мы поместили рядом с данными Штегмана данные МВД, то есть те данные, которые были переданы в центр чиновниками Елецкого уезда [25, с. 176]. Из этого сопоставления очевидно, что группе Штегмана «2а 3в — 2а 4в» в данных МВД соответствует группа «2а 3в», группе «2а 4в — 2а 5в» — группа «2а 4в» и т. д. Незначительная разница в цифрах происходит, очевидно, от того, что не совсем ясно, в какую группу Штегман относил, например, рекрута, имеющего рост в точности 2а 4в — в группу «2а 3в — 2а 4в» или «2а 4в — 2а 5в»? Тем не менее, данные Штегмана с очевидностью указывают на то, что при отправке итоговых материалов уездные чиновники распределяли рекрутов по ростовым группам МВД, отбрасывая дробную часть вершков. Таким образом, информация Анучина получает убедительное подтверждение, и мы можем

считать, что до 1890 года средний рост в ростовых группах МВД (начиная со второй) был на 0,44 вершка больше, чем указано в названии группы.

После публикации 1999 года Миронов, по-видимому, воспринял аргументацию Анучина, и в 2000 году изменил методику расчетов так, что теперь его средние уже превосходили на полвершка средние МВД, то есть той же третьей ростовой группе он приписал средний рост в 2 аршина 4,5 вершка. Вот что теперь писал Миронов: «В литературе конца XIX — начала XX века данные о росте рекрутов, как правило, *занижены*, по той причине, что... за средний рост рекрутов какой-либо возрастной группы брали не середину ростового интервала, соответствующего данной группе, а его *нижнюю* границу. Например, если в источнике указывался интервал от 2 аршин 3 вершков до 2 аршин 4 вершков, то за середину интервала принимали 2 аршина и 3 вершка вместо 2 аршин 3,5 вершков и т. д. Например, известный антрополог конца XIX — начала XX века Д. Н. Анучин определил среднюю длину тела призывников в 1874—1883 гг. в 1641 мм, между тем как она равнялась 1662 мм» [6, с. 342].

Таким образом, если в 1999 году Д. Н. Анучина обвиняли в преувеличении результатов, то в 2000 году его стали обвинять в преуменьшении результатов. Но в 2003 году, в 3-м издании «Социальной истории» Миронов вернулся к первоначальной точке зрения (1999 года): «В литературе XIX — начала XX в. данные о росте рекрутов, как правило, *завышены*... Д. Н. Анучин определил среднюю длину тела призывников в 1874—1883 гг. в 1641 мм, между тем как она равнялась 1621 мм» [7, с. 342].

Однако метод расчета, используемый Мироновым в 1999 и 2003 годах, был неудовлетворительным потому, что приводил к огромной разнице между индивидуальными и суммарными данными. Например, для призванных 1877—1881 годов средний рост по индивидуальным данным составлял 165,9 см (табл. 1), а по групповым данным — 162,2 см (табл. 2); разница составляла 3,7 см. Новый вариант расчета появился в 2010 г в монографии «Благосостояние населения и революции в имперской России». В этом варианте (точнее, в двух вариантах) были указаны лишь пятилетние средние. Мы приводим эти данные Миронова в табл. 4, поместив рядом, для сравнения, средние для расчетов 1999 и 2000 годов.

Таблица 4
Средний по пятилетиям рост рекрутов по расчетам Миронова (см)

Годы рождения	Годы призыва	Миронов, 1999 и 2003	Миронов, 2000	Миронов, 2010	
				с. 273	с. 473
1856—60	1877—81	162,2	166,2	164,6	165,8
1861—65	1882—86	162,0	166,0	164,4	164,6
1866—70	1887—91	162,8	166,7	165,1	164,4
1871—75	1892—96	164,0	168,1	166,5	165,1
1876—80	1897—01	164,6	168,6	167,0	166,5
1881—85	1902—06	165,0	169,0	167,4	167,0
1886—90	1907—11	165,1	169,2	167,6	167,4

Источники: [6, с. 338; 7, с. 338; 8, с. 338; 9, с. 273, 473]

Когда А. В. Островский [13] обратил внимание на различие между данными, приведенными на с. 273 и 473 «Благосостояния», Миронов ответил, что в одном случае (с. 273) имеется виду рост новобранцев в возрасте старше 23 лет, а в другом (с. 473) рост всех новобранцев, принятых на действительную службу [10, с. 153]. Между тем, всякий может заметить, что данные на с. 473 получаются из данных на с. 273 смещением на одну клетку вниз — то есть имеет место элементарная опечатка, оправдываемая столь изобретательным способом. Что же касается разницы между данными 1999, 2000 и 2010 годов, то Миронов лишь попенял на непонятливость оппонентов: «Несмотря на все мои старания, оппонент так и не уяснил: какой бы методикой не пользоваться при расчетах средней арифметической, позитивный тренд в динамике за 1853—1892 гг. не становится негативным» [10, с. 159]. Таким образом, методика расчетов осталась тайной.

Наконец, в 2013 г. Миронов опубликовал и годовые сведения, которые позволили прояснить вопрос о том, какие средние ростовых групп берутся в его новых расчетах (см. табл. 2). Сравнение с данными МВД показывает, что на этот раз средние Миронова отличаются от формальных средних МВД лишь на 0,3–0,4 см (примерно на 0,07 вершка). Эту новую корректировку средних Миронов объясняет тем, что ему в нескольких случаях удалось найти как формулярные списки, так и полученные на их основе суммарные данные и уточнить, каким образом чиновники распределяли рекрутов по ростовым группам. Эти данные относятся преимущественно к периоду до 1890 г., и на основе их делается вывод, что «в огромном большинстве случаев» чиновники действовали методом естественного округления, то есть округления до ближайшего целого. При этом рост измерялся с точностью до $\frac{1}{8}$ вершка, и в третью группу записывали призывников с ростом от 2 аршин $3\frac{5}{8}$ вершка до 2 аршин $4\frac{4}{8}$ вершка, в четвертую группу — с ростом от 2 аршин $4\frac{5}{8}$ вершка до 2 аршин $5\frac{4}{8}$ и т. д. [9, с. 176] При таких интервалах средний рост третьей группы «2 аршина 4 вершка» получается чуть больше 2 аршин 4 вершков (на 0,07 вершка) данных МВД. Однако в данном случае эта разница представляется несущественной. Факт состоит в том, что в конечном счете Миронов с несущественной корректировкой принял формальные средние МВД — то есть метод столь жестоко критикуемого им Д. Н. Анучина.

Однако и в этом случае упомянутое выше противоречие между индивидуальными и суммарными средними указывает на присутствие какой-то ошибки. Как видно из табл. 1 для рекрутов 1851–1865 годов рождения суммарные средние меньше индивидуальных примерно на 1 см. Это отчасти можно объяснить тем, что как мы установили выше, при группировке суммарных данных чиновники не округляли до ближайшего целого, а отбрасывали дробную часть вершка. Но для рекрутов, призванных после 1890 года, расчеты Миронова показывают превышение суммарных средних над индивидуальными — в то время как раньше они были меньше индивидуальных данных. Как объяснить это несоответствие? Миронов не объясняет этого факта,

однако, как выяснилось, 18 августа 1890 г. циркуляром № 21 МВД ввело новую форму «Отчета по призыву к исполнению воинской повинности» [24, с. 165—174]. В пункте «8.3» этой формы ростовые данные приводились следующим образом: «В числе принятых заключалось мерою роста:

- 1) в 2 аршина 2 $\frac{1}{2}$ вершка — ...
- 2) до 2 аршин 3 вершков включительно — ...
- 3) до 2 аршин 4 вершков включительно — ...
- 4) до 2 аршин 5 вершков включительно — ...
- ...

Эта новая форма прекратила использование метода отбрасывания дробной части, о котором писали Анучин, Левитский, Пантюхов и Штегман. При новой группировке в третью группу входили рекруты с ростом от 2 аршин 3 вершков до 2 аршин 4 вершков включительно, в четвертую — с ростом от 2 аршин 4 вершков до 2 аршин 5 вершков включительно и т. д. Именно таким образом с 1890 г. указывался рост во всех отчетах воинских присутствий и других отчетах МВД.

Военное министерство не отреагировало на эти изменения в форме МВД и продолжало приписывать своим группам рост в целом числе вершков. Таким образом во «Всепоподданнейшем отчете о действиях военного министерства» рост в 2 аршина 4 вершка теперь приписывался рекрутам третьей группы, которые в действительности имели рост от 2 аршин 3 вершков до 2 аршин 4 вершков. Путаница усилилась с выходом в свет многотомного издания «Столетие военного министерства». В этом издании в тексте ростовые группы для конкретного года указаны так, как в отчетах военного министерства за этот год, а сводных таблицах — по форме, использовавшейся военными в 1875—1887 годах (см. выше). С другой стороны, в вышедшем в 1897 г. «Сборнике сведений по России» [19, с. 132] ростовые группы даются по старой (до 1890 года) форме МВД, а в «Отчетах медицинского департамента МВД» [14] и «Отчетах о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России» [17] — по новой форме МВД.

Эта путаница не должна нас смущать: во всех изданиях (кроме изданий военного министерства) использовались одни и те же данные МВД, а в изданиях военного министерства эти данные лишь незначительно корректировались, учитывая реальное прибытие новобранцев. Таким образом, начиная с 1890 г. все вышеперечисленные издания использовали ростовые группы новой формы МВД.

Нужно, правда, оговориться, что в 1903 году форма отчетов воинских присутствий снова изменилась, но это изменение не касалось группировки ростовых данных [22]. Еще одно изменение произошло в 1913 г., когда группировка ростовых данных вернулась к старой (до 1890 года) форме МВД [23], что (вместе с изменением сроков призыва) привело к несопоставимости данных 1913 года и предыдущих лет.

Б. Н. Миронов каким-то образом не заметил или проигнорировал произошедшее в 1890 г. изменение формы отчетов воинских присутствий. Это, конечно, может вызвать удивление, потому что достаточно взять несколько отчетов за по-

следовательные годы, чтобы заметить изменение этой формы [например, 18]. Такое игнорирование привело к тому, что, например, третьей группе, в которую согласно форме МВД входили рекруты с ростом от 2 аршин $3\frac{1}{8}$ вершка до 2 аршин 4 вершков (среднее 2 аршина 3,56 вершка) Мионов приписывал ростовой интервал от 2 аршин $3\frac{5}{8}$ вершка до 2 аршин $4\frac{4}{8}$ вершка (среднее 2 аршина 4,06 вершка). Аналогичная ситуация наблюдалась в четвертой, пятой и остальных группах. Во всех этих группах смещение Мироновым ростового интервала привело к превышению среднего роста на 0,5 вершка по сравнению со средним ростом формы МВД. В первой группе завышение отсутствует, а во второй группе оно равно четверти вершка, однако вес этих групп в общей численности рекрутов незначителен (соответственно 1 % и 5 %), поэтому в целом по России завышение среднего роста новобранцев в расчетах Миронова по отношению к данным МВД составило 0,5 вершка (2,2 см).

Уменьшение среднего роста в ростовых интервалах привело к резкому росту числа новобранцев в последних (высокорослых) группах. Например, в 1890 году в самой высокой группе, которая прежде называлась «2 аршина 12 вершков» число новобранцев увеличилось с 0 до 12. Численность второй по росту группы «2 аршина 11 вершков» возросла в пять раз, а численность двух следующих групп (2 аршина и 10 или 9 вершков) почти удвоилась. Следующие три группы также заметно увеличились. С другой стороны, в самой большой группе, которая прежде называлась «2 аршина 5 вершков» число новобранцев осталось приблизительно тем же, что и раньше, а остальные группы (в которых были низкорослые рекруты) уменьшились в размерах [20, с. 86].

Игнорирование введения новой формы отчетов должно приводить в расчетах Миронова к скачку среднего роста. Действительно, эти расчеты показывают, что скачок роста рекрутов в 1890 году (по сравнению с 1889 годом призыва) составил в Орловской губернии 1,9 см, в Архангельской, Ковенской и Енисейской губерниях — 2, в Терской губернии — 2,1, в Тульской — 2,2, в Виленской — 2,5, в Лифляндской — 2,6, в Астраханской — 2,8 см. [9, с. 720, 722, 730, 736, 754, 756]. Однако в большинстве губерний скачок 1890 г. составил 1—1,5 см, а в некоторых губерниях он произошел позже, в 1891–1894 гг. В целом по стране скачок 1890 года в расчетах Миронова составил 0,9 см — этот скачок был в свое время замечен С. Уиткрофтом, который назвал его «сомнительным» [47, р. 40].

Замедленная реакция на появление новой формы, по-видимому, объясняется тем, что она не сопровождалась соответствующими уточнениями в «Наставлении присутствиям по воинской повинности». Но постепенно все большее число врачей руководствовалось новой формой МВД, и в итоге к 1895 году рекруты в расчетах Миронова «подросли» на 1,9 см, а к 1898 году — на 2,2 см по сравнению с 1889 годом [10, с. 267].

Мы показали ранее, что средняя фактическая высота призывников до 1890 года была на 0,44 вершка больше, чем рассчитанная по данным МВД в табл. 2.

Теперь мы можем рассчитать среднюю высоту после 1890 года, используя имеющиеся в публикациях данные [20, с. 86] и реальные интервалы высоты, указанные в вышеупомянутом циркуляре № 21. Это позволит нам исправить данные, опубликованные Мироновым. Результаты представлены в табл. 5.

Таблица 5

Коррекция данных Миронова

Даты рождения	Даты призыва	Данные Миронова		Действительный рост
		Индивидуальные данные	Суммарные данные	
1856—1860	1877—1881	165,9	164,7	166,2
1861—1865	1882—1886	165,4	164,5	165,9
1881—1885	1902—1906	166,1	167,5	165,1
1886—1890	1907—1911	166,4	167,7	165,3

Из табл. 5 можно заметить, что до 1890 г. исправленные данные близки к индивидуальным данным Миронова. Рассматривая данные последней колонки, можно заметить, что утверждение Миронова об увеличении роста призывников в рассматриваемый период неверно. В действительности рост призывников не увеличился, а скорее, немного уменьшился.

В заключение можно отметить, что коррекция данных Миронова до некоторой степени ослабляет аргументы «оптимистической школы» об уровне жизни в России накануне революции. Оптимистическое представление об уровне жизни в России не столь основательно, как это полагают некоторые недавние публикации. Соответственно, тезис о том, что ухудшение положения широких масс было одной из главных причин русской революции, получает новое подтверждение.

Литература и источники

1. Анучин, Д. Н. *О географическом распределении роста мужского населения России (по данным о всеобщей воинской повинности в империи за 1874—1883 гг.) сравнительное распределение роста в других странах* / Д. Н. Анучин // *Записки Императорского Русского географического общества по отделению статистики*. — 1889. — Т. VII. — Вып. 1. — С. 1—184.
2. *Всепоподданнейший отчет о действиях военного министерства за 1875 год*. — СПб. : Тип. МВД, 1877.
3. Ганелин, Р. Ш. *Первая мировая война и конец Российской империи* / Р. Ш. Ганелин, С. В. Куликов, А. Б. Николаев, В. В. Поликарпов. — Т. III. *Февральская революция*. — СПб. : Лики России, 2014. — 432 с.
4. Зограф, Н. Ю. *Антропометрические исследования мужского Великорусского населения Владимирской, Ярославской и Костромской губерний* / Н. Ю. Зограф // *Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии*. — 1892. — Т. 76. — С. 3—177.
5. Левицкий, В. А. *К вопросу о физическом состоянии населения Подольского уезда по данным Подольского уездного военного присутствия* / В. А. Левицкий // *Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарный*. — Т. IX. *Материалы по определению физического состояния населения Московской губер-*

- нии. — Вып. I. — М.: Изд-во Московского губернского земства, 1901. — С. 3—120.
6. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи: в 2 т. / Б. Н. Миронов. — 2-е изд. — Т. 2. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. — 568 с.
7. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи: в 2 т. / Б. Н. Миронов. — 3-е изд. — Т. 2. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — 583 с.
8. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи: в 2 т. / Б. Н. Миронов. — Т. 2 — СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. — 566 с.
9. Миронов, Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. / Б. Н. Миронов — М.: Новый хронограф, 2010. — 911 с.
10. Миронов, Б. Н. Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации / Б. Н. Миронов — М.: Весь мир, 2013. — 336 с.
11. Нефедов С. А. К дискуссии об уровне потребления в пореформенной и предреволюционной России / С. А. Нефедов // *Российская история*. — 2011. — № 1. — С. 73—86.
12. Нефедов, С. А. Уровень жизни населения в дореволюционной России / С. А. Нефедов // *Вопросы истории*. — 2011. — № 5. — С. 127—136.
13. Островский А. В. О модернизации России в книге Б. Н. Миронова / А. В. Островский // *Вопросы истории*. 2010. — № 10. — С. 119—140.
14. Отчет медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1893—95 годы. — СПб.: Тип. МВД, 1898.
15. Отчет министра внутренних дел о выполнении призыва к отправлению воинской повинности в 1874 году. — СПб.: Тип. МВД, 1875.
16. Отчет министра внутренних дел о выполнении призыва к отправлению воинской повинности в 1875 году. — СПб.: Тип. МВД, 1876.
17. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1907 г. — СПб.: Тип. МВД, 1909.
18. РГИА. Ф. 1292. Оп. 4. Д. 656, 746, 839.
19. Сборник сведений по России. 1896. — СПб.: Тип. МВД, 1897.
20. Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923 // Труды ЦСУ. — 1924. — Т. 18.
21. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1874 год. — СПб.: Тип. МВД, 1875.
22. Сборник циркуляров Министерства внутренних дел по вопросам воинской и военно-конской повинности. 1874—1906 гг. — СПб.: Тип. МВД, 1906.
23. Сборник циркуляров Министерства внутренних дел по вопросам воинской и военно-конской повинности. 1874—1913 гг. — СПб.: Тип. МВД, 1913.
24. Сборник циркуляров Министерства внутренних дел по вопросам воинской, военно-конской и военно-повозочной повинности. 1874—1900 гг. — СПб.: Тип. МВД, 1901.
25. Статистический временник Российской империи. — Сер. III. — Вып. 12. — СПб.: Тип. МВД, 1886.
26. Столетие военного министерства. 1802—1902. — Ч. III. — Кн. II. — Отд. II. — СПб.: Тип. товарищества Вольф, 1914.
27. Ханин, Г. И. Дифференциация доходов в дореволюционной России / Г. И. Ханин // *Вопросы статистики*. — 2010. — № 3. — С. 75—79.
28. Штегман, А. О результатах медицинского освидетельствования, измерения роста и груди у лиц, призванных к военной службе в 1882 году в Елецком уезде Орловской губернии / А. Штегман // *Военно-медицинский журнал*. — 1883. — Ч. 147, июнь. — С. 113—125.
29. Элман, М. Витте, Миронов и ошибочное использование антропометрических данных / М. Элман // *Экономическая история. Обзорение*. — Вып. II. — 2005. — С. 159—165.
30. Allen, R. *Farm to Factory* / R. Allen. — Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2003. — 302 p.
31. Baten, J. *Why Are You Tall While Others Are Short? Agricultural Production and Other Proximate Determinants of Global Heights* / J. Baten, B. Matthias // *European Review of Economic History*. — 2014. — Vol. 18. — No. 2 — P. 144—165.
32. Bodenhorn, H. *Caveat Lector: Sample Selection in Historical Heights and the Interpretation of Early Industrializing Economies* / H. Bodenhorn, T. Guinnane, Th. Mroz // *NBER Working Paper*. — 2014. — № 19955.
33. Deaton, A. *The Great Escape* / A. Deaton — Princeton: Princeton University Press, 2013. — 376 p.
34. Gerschenkron, A. *Agrarian Policies and Industrialization, Russia 1861—1917* / A. Gerschenkron // *Cambridge Economic History of Europe*. Vol. 6. Part II / H. J. Habakkuk, M. Postan. — Cambridge: Cambridge University Press, 1965. — P. 706—800.
35. Gregory, P. *Russian Living Standards during the Industrialization Era, 1885—1913* / P. Gregory // *Review of Income & Wealth*. — 1980. — Vol. 26. — P. 135—164.
36. Gregory, P. *Russian National Income, 1885—1913*. / P. Gregory. — Cambridge: Cambridge University Press, 1982. — 376 p.
37. Hoch, S. *On Good Numbers and Bad: Malthus, Population Trends and Peasant Standard of Living in Late Imperial Russia* / S. Hoch // *Slavic Review*. — 1994. — Vol. 53. — No. 1. — P. 41—75.
38. Lindert, H., and Steven Nafziger. 'Russian Inequality on the Eve of Revolution' / H. Lindert, S. Nafziger. // *The Journal of Economic History*. — 2014. -Vol. 74. — No. 3. — P. 767—98.
39. Mironov, B. *Diet and Health of the Russian Population from the Mid-Nineteenth to the Beginning of the Twentieth Century* / B. Mironov // *Biological Standard of Living on Three Continents. Further Exploration in Anthropometric History* / edited by J. Komlos. — Boulder, CO: Westview. — 1995. — P. 59—80.
40. Mironov, B. *New Approaches to Old Problems: The Well-Being of the Population of Russia from 1821 to 1910 as Measured by Physical Stature* / B. Mironov // *Slavic Review*. — 1999. — Vol. 5. — No. 1. — P. 1—26.
41. Mironov, B. *The Standard of Living and Revolutions in Imperial Russia, 1700—1917* / B. Mironov — London; New York: Routledge, 2012. — 668 p.
42. Plaggenborg, S. *Who Paid for the Industrialisation of Tsarist Russia?* / S. Plaggenborg // *Revolutionary Russia*. — 1990. — Vol. 3. — No. 2. — P. 183—210.
43. Robinson, G. *Rural Russia under the Old Regime* / G. Robinson. — New York: Macmillan, 1932. — 362 p.
44. Simms, J. *The Crisis in Russian Agriculture at the End of the Nineteenth Century: A Different View* // *Slavic Review*. — 1977. — Vol. 36. — No. 3. — P. 377—398.
45. Steckel, R. *Heights and Human Welfare: Recent Developments and New Directions* / R. Steckel // *Explorations in Economic History*. 2009. — Vol. 46. — No. 1. — P. 1—23.
46. Wheatcroft, S. 'Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia' / S. Wheatcroft // *Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia, 1800—1921* / edited by E. Kingston-Mann, T. Mixer. — Princeton: Princeton University Press, 1991. — P. 128—172.
47. Wheatcroft, S. *The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880—1960* / S. Wheatcroft // *Slavic Review*. 1999. — Vol. 58. — No. 1. — P. 27—60.

НЕФЕДОВ Сергей Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия). E-mail: hist1@yandex.ru

ЭЛЛМАН Майкл, профессор, университет Амстердама (Амстердам, Нидерланды). E-mail: ellman@xs4all.nl

Поступила в редакцию 11 декабря 2017 г.

DOI: 10.14529/ssh180105

ON THE DYNAMICS OF STANDARD OF LIVING IN RUSSIA, 1874–1912

S. A. Nefedov¹, hist1@yandex.ru

M. Ellman², ellman@xs4all.nl

¹ Institute of History and Archeology, Ural Branch RAS, Ekaterinburg, Russian Federation

² University of Amsterdam, Amsterdam, Netherlands

The question of the development of living standards in Russia prior to the First World War is controversial. Whereas traditional historiography supported the pessimistic point of view, the revisionist ‘optimistic’ school thinks that the standard of living rose and that the Russian revolution was a result of political, rather than economic, factors. One of the main arguments of the ‘optimistic’ school is the increase in the height of conscripts in the period 1874–1912 revealed by the calculations of B.N.Mironov. This article is a critical analysis of the calculations of B.N.Mironov. The authors point out that these calculations contain a mistake, caused by B.N.Mironov’s ignoring the 1890 alteration in the way the reports on the heights of recruits were compiled. When accurately calculated, the height of recruits did not increase, and this seriously weakens the arguments of the ‘optimistic’ school.

Keywords: Russia, end of 19th to beginning of 20th centuries, standard of living, anthropometric measurements, optimistic school, causes of the Russian revolution.

References

1. Allen, R. Farm to Factory. — Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2003.
2. Anuchin, D. O geograficheskom raspredelenii rosta muzhskogo naseleniia Rossii (po dannym o vseobshchei voinskoj povinnosti v imperii za 1874—1883 gg.) sravnitelno s raspredeleniem rosta v drugikh stranakh [On the geographical distribution of the height of the male population of Russia (using data for 1874–1883 concerning the call-up for military service) compared with heights in other countries] // Zapiski imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniiu statistiki. 1889. Vol. VI. No. 1.
3. Baten, J., Blum M. Why Are You Tall While Others Are Short? Agricultural Production and Other Proximate Determinants of Global Heights // European Review of Economic History. 2014. Vol. 18. No. 2.
4. Bodenhorn, H., Guinnane T., Mroz Th. Caveat Lector: Sample Selection in Historical Heights and the Interpretation of Early Industrializing Economies, NBER Working Paper. 2014. No 19955.
5. Deaton, A. The Great Escape. — Princeton: Princeton University Press, 2013.
6. Ellman, M. Vitte, Mironov i oshibochnoe ispolzovanie antropometricheskikh dannykh [Witte, Mironov and the misuse of anthropometric data] // Ekonomicheskaja Istorija. Obozrenie. 2005. Vypusk 11.
7. Ganelin, R. Sh. et al. Pervaia mirovaia voina i konets Rossijskoj imperii. [The First World War and the end of the Russian empire] T. III. — St Petersburg: Liki Rossii, 2014.
8. Gerschenkron, A. Agrarian Policies and Industrialization, Russia 1861—1917 // Cambridge Economic History of Europe. Vol. 6, part II/ edited by H. J. Habbakuk and M. Postan. — Cambridge: Cambridge University Press, 1965: 706—800.
9. Gregory, P. Russian Living Standards during the Industrialization Era, 1885—1913 // Review of Income & Wealth. 1980. Vol. 26.
10. Gregory, P. Russian National Income, 1885—1913. — Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
11. Hoch, S. On Good Numbers and Bad: Malthus, Population Trends and Peasant Standard of Living in Late Imperial Russia // Slavic Review. 1994. Vol. 53. No. 1.
12. Khanin, G. I Differentsiatsiia dokhodov v dorevoliutsionnoi Rossii [The distribution of income in pre-revolutionary Russia] // Voprosy statistiki. 2010. No. 3.
13. Levitskii, V. A. K voprosu o fizicheskom sostoianii naseleniia Podolskogo uезда po dannym Podolskogo uездnogo voennogo prisutstviia [The physical condition of the population of Podolsk region using data from the Podolsk district call-up] // Sbornik statisticheskikh svedenii po Moskovskoi gubernii. Otdel sanitarnyi. T. IX. Materialy po opredeleniiu fizicheskogo sostoianii naseleniia Moskovskoi gubernii. Vyp 1. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo gubernskogo zemstvo, 1901.
14. Lindert, P. H., Nafziger S. Russian Inequality on the Eve of Revolution // The Journal of Economic History. 2014. Vol. 74. No. 3.
15. Mironov, B. Diet and Health of the Russian Population from the Mid-Nineteenth to the Beginning of the Twentieth Century // The Biological Standard of Living on Three Continents. Further Exploration in Anthropometric History/ edited by J. Komlos. Boulder, CO: Westview, 1995.
16. Mironov, B. New Approaches to Old Problems: The Well-Being of the Population of Russia from 1821 to 1910 as Measured by Physical Stature // Slavic Review. 1999. Vol. 58. No. 1.

17. Mironov, B. *Sotsialnaia istoriia Rossii*. 2 vols, 1st ed. — St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1999.
18. Mironov, B. *The Social History of Imperial Russia, 1700—1917*. 2 vols. — Boulder: Westview, 1999—2000.
19. Mironov, B. *Sotsialnaia istoriia Rossii*. 2 vols, 2nd ed. — St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2000.
20. Mironov, B. *Sotsialnaia istoriia Rossii*. 2 vols, 3rd ed. — St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2003.
21. Mironov, B. *Blagosostoianie naseleniia i revoliutsii v imperskoi Rossii: XVIII-nachalo XX veka*. — Moscow: Novyi Khronograf, 2010.
22. Mironov, B. *The Standard of Living and Revolutions in Imperial Russia, 1700—1917*, edited by G. Freeze. — London and New York: Routledge, 2012.
23. Mironov, B. *Strasti po revoliutsii [Passions about the revolution]*. — Moscow: Ves Mir, 2013.
24. Nefedov, S. *Uroven zhizni naseleniia v dorevoliutsionnoi Rossii [The standard of living in pre-revolutionary Russia]*// *Voprosy istorii*. 2011. No. 5.
25. Nefedov, S. *K diskussii ob urovne potrebleniya v poreformennoy i predrevolyutsionnoy Rossii [A contribution to the discussion about consumption levels in reform and pre-revolutionary Russia]*// *Rossiyskaya istoriya*. 2011. No 1.
26. Ostrovskii, A. V. *O modernizatsii Rossii v knige B. N. Mironova [About the modernization of Russia in B.N.Mironov's book]*// *Voprosy istorii*. 2010. No. 10.
27. *Otchet meditsinskogo departamenta Ministerstva vnutrennykh del za 1893—95 gody [Report of the medical department of the Ministry of Internal Affairs for 1893-95]*. — St Petersburg, 1898.
28. *Otchet ministra vnutrennykh del o vypolnenii prizyva k otpravleniiu voinskoj povinnosti v 1874 godu [Report of the Ministry of Internal Affairs on the implementation of conscription in 1874]*. — St Petersburg, 1875.
29. *Otchet ministra vnutrennykh del o vypolnenii prizyva k otpravleniiu voinskoj povinnosti v 1875 godu [Report of the Ministry of Internal Affairs on the implementation of conscription in 1875]*. — St Petersburg, 1876.
30. *Otchet o sostoianii narodnogozdraviia i organizatsii vrachebnoi pomoshchi v Rossii za 1907 [Report on the state of health-care and the organization of medical services in Russia in 1907]*. — St Petersburg, 1909.
31. Plaggenborg, Stefan. *Who Paid for the Industrialisation of Tsarist Russia? // Revolutionary Russia*. 1990. Vol. 3. No. 2.
32. Robinson, G. *Rural Russia under the Old Regime*. — New York: Macmillan, 1932.
33. *Sbornik svedenii po Rossii [Collected information about Russia*. 1896]. 1896. — St Petersburg, 1897.
34. *Sbornik tsirkuliarov i instruksii Ministerstva vnutrennykh del za 1874 god [Collected circulars and instructions of the Ministry of Internal Affairs for 1874]*. — St Petersburg, 1875.
35. *Sbornik tsirkuliarov Ministerstva vnutrennykh del po voprosam voinskoj, voenno-konskoj i voenno- povozochnoj povinnosti. 1874—1900 gg. [Collected circulars of the Ministry of Internal Affairs on infantry, cavalry, and haulage service. 1874-1900]- St Petersburg, 1901.*
36. *Sbornik tsirkuliarov Ministerstva vnutrennykh del po voprosam voinskoj, voenno-konskoj i voenno- povozochnoj povinnosti, 1874—1906 [Collected circulars of the Ministry of Internal Affairs on infantry, cavalry, and haulage service, 1874-1906]*. — St Petersburg, 1906.
37. *Sbornik tsirkuliarov Ministerstva vnutrennykh del po voprosam voinskoj, voenno-konskoj i voenno- povozochnoj povinnosti.1874—1913gg. [Collected circulars of the Ministry of Internal Affairs on infantry, cavalry, and haulage service. 1874-1913]* — St Petersburg, 1913.
38. Shtegman, A. K. *O rezultatakh meditsinskogo osvidetelstvovaniia, izmereniia rosta i grudi u lits, prizvannykh k voennoi sluzhbe v 1882 godu v Eletskom uezde Orlovskoi gubernii [The results of the medical examination, measurement of the height and chest of conscripts called up for military service in Yeletsky district of Orlov province in 1882]*// *Voенно-meditsinskii zhurnal*. 1883. No. 147 (June).
39. Simms, J. *The Crisis in Russian Agriculture at the End of the Nineteenth Century: A Different View*// *Slavic Review*. 1977. Vol. 36. No. 3.
40. *Statisticheskii vremennik Rossiiskoi imperii [Statistical survey of the Russian empire]*. Ser. III vyp. 12. — St Petersburg: Tsentralnyi statisticheskii komitet Ministerstva vnutrennykh del, 1886.
41. Steckel, R. *Heights and Human Welfare: Recent Developments and New Directions // Explorations in Economic History*. 2009. Vol. 46. No. 1.
42. *Stoletie voennogo ministerstva [Centenary of the Ministry of War]*. 1802—1902. — St Petersburg, 1914.
43. *Sbornik statisticheskikh svedenii po Soiuzu SSR [Collected statistical information on the USSR]*, 1918—1923 // *Trudy Tsentralnogo Statisticheskogo Upravleniia*. Moscow, 1924. Tom 18.
44. *Vsepoddanneishii otchet o deistviiakh voennogo ministerstva za 1875 god [Comprehensive report of the activities of the Ministry of War in 1875]*. — St Petersburg, 1877. Wheatcroft, S.. *Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia* //
45. *Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia, 1800—1921/* edited by E. King ston-Mann and T. Mixer. — Princeton: Princeton University Press, 1991.
46. Wheatcroft, S. *The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880—1960* // *Slavic Review*. 1999. Vol. 58. No. 1.
47. Zograf, N. Iu. *Antropometricheskie issledovaniia muzhskogo Velikorusskogo naseleniia Vladimirskoi, Iaroslavskoi i Kostromskoi gubernii [Anthropometric research on the Russian male population of Vladimir, Yaroslavl and Kostroma provinces]*// *Izvestiia Imperatorskogo obshchestva liubitel'ei estestvoznaniia antropologii i etnografii*. 1892. Vol. 76.

Received December 11, 2017

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Нефедов, С. А. О динамике уровня жизни в России, 1874—1912 гг. / С. А. Нефедов, М. Элман // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2018. — Т. 18, № 1. — С. 30—39. DOI: 10.14529/ssh180105

FOR CITATION

Nefedov S.A., Ellman M. On the dynamics of standard of living in Russia, 1874—1912. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2018, vol. 18, no. 1, pp. 30—39. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh180105